

Московские ведомости. 1904. 11 июля. № 189. С. 2.

ВОПРОСЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

XXVII.

АНТОНЪ ПАВЛОВИЧЪ ЧЕХОВЪ.

Близкий друг безвременно-скончавшагося А. П. Чехова, даровитый артист Шалапинъ, въ одной изъ застольныхъ рѣчей въ честь своего друга, определялъ его какъ писателя, всюду видѣвшаго въ окружающемъ его обществѣ „пошлость“ и съ чрезвычайною вѣрностью изобразившаго эту „пошлость“ въ своихъ произведенияхъ.

Нельзя не признать мѣткости этого опредѣленія Чехова какъ „поэта пошлости“, если имѣть въ виду его послѣднія крупныя, въ особенности драматическія, произведенія, въ которыхъ выразилось его особое „чеховское“ мировоззрѣніе, столь глубоко-проникнутое грустными, безвыходными пессимизмомъ. Но это опредѣленіе было бы совершенно не вѣрно, еслибы мы захотѣли приравнять его къ первымъ, лучшимъ, произведеніямъ Чехова, когда онъ такъ щедро дарилъ насъ своими маленькими разказами, этими перлами здорового, русскаго юмора. Это было въ то время, когда и самъ онъ еще былъ здоровъ, и когда все, что онъ творилъ, давалось ему такъ легко, исходя изъ его богатаго дѣрзкой юмористической наблюдательности и веселой бодрости: этотъ даръ, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, сравнялъ бы его въ этомъ отношеніи съ Островскимъ и даже съ Гоголемъ.

Но вотъ, въ физическомъ здоровьѣ Чехова совершился тотъ роковой переломъ, который не укрылся отъ его острого глаза врача, и который, вызвавъ въ немъ тихую грусть, наложилъ такой же грустный, безнадежный отпечатокъ и на его творческую дѣятельность. Его здоровый юморъ сталъ проявляться все рѣже и рѣже, постепенно превращаясь въ грустную проплю, его тонкая наблюдательность осталась тою же, но стала невольно останавливаться на однихъ лишь безотраднѣхъ явленіяхъ окружающаго его общества, на тѣхъ именно „духовныхъ дессентахъ“ нашей интеллигенціи, которые такъ вѣрно опредѣлялъ г. Шалапинъ общимъ именемъ „пошлости“.

Чеховъ стоялъ нѣмлою изломомъ выше этой жалкой, пошлой интеллигенціи, а потому такъ ясно и видѣлъ этотъ ее главный недостатокъ. Для этого совершенно достаточно было возмущаться надъ ней именно настолько, насколько возмущался надъ ней Чеховъ. Но этого не было достаточно чтобы не только замѣтить пошлость нашей интеллигенціи, но и распознавать причины этого ея „духовнаго дессента“ и указывать на вѣрные средства къ его исклѣненію.

Чеховъ уподобился прозорливому врачу-диагносту, который, призванный къ постели тяжко-больного, сразу находитъ и называетъ сущность болѣзни страдальца, а на вопросы родственниковъ, умоляющихъ его родственниковъ, съ грустною улыбкой отвѣчаетъ:

— Я не знаю, ни чѣмъ вызвана эта болѣзнь, ни чѣмъ можно было бы облегчить страданія больного, а о томъ, какъ ему вернуть здоровье,—вы знаете лучше и не спрашивайте: я вижу тутъ извѣстнаго совѣта дать не могу. Плачьте и предоставьте больного неизбѣжной его судьбѣ. Утѣшайтесь надеждой, что когда-нибудь, черезъ нѣсколько столѣтій или даже тысячелѣтій, настанетъ такое свѣтлое время, когда никакихъ болѣзней не будетъ.

Что сдѣлать несчастные родственники при такомъ отвѣтѣ „тонкаго диагноста“? Они воспринимать поблагодарить его за его вѣрное опредѣленіе болѣзни и обратиться къ какому-нибудь другому опытному врачу-терапевту, который поставитъ на ноги ихъ дорогого больного.

Не такимъ ли „тонкимъ“, но совершенно безпомощнымъ диагностомъ являлся Чеховъ, такъ мѣтко всюду опредѣлявшій глубокій духовный извѣтъ нашей интеллигенціи, ея поголовную пошлость, и съ грустью признававшій свою неспособность найти причину этого извѣта и средства къ его исклѣненію?

А между тѣмъ, и эта причина, и эти средства давно уже были найдены Гоголемъ, который тоже вооружился всюю силой своего природнаго юмора на борьбу именно съ пошлостью современнаго ему общества, указавъ, затѣмъ, въ своей безсмертной *Перепискѣ съ друзьями* на истинную причину этой пошлости, на забвеніе нашимъ обществомъ Церкви Христовой, къ которой онъ и призывалъ своихъ современниковъ, какъ къ единственному средству для своего возмущенія надъ земною пошлостью въ стремленіи къ высшимъ идеаламъ.

Такъ точно поступаетъ и Левъ Толстой, который не только указываетъ на духовные извѣты нашей интеллигенціи, но и старается исклѣнить ихъ, но, въ сожалѣнію, не истиннымъ, а совершенно извращеннымъ христіанствомъ.

Не таковъ Чеховъ: онъ ограничивается лишь констатированіемъ этихъ извѣтовъ, не подозревая даже ихъ глубокой связи съ атенаномъ во всѣхъ разнообразныхъ его формахъ, опустошившимъ душу нашей интеллигенціи и сдѣлавшимъ ее добычей той страшнѣйшей пошлости, которая всюду проявляется въ словахъ, мечтахъ и дѣйствіяхъ нашей интеллигенціи. Онъ въ этомъ сходенъ со Щедриннымъ, который тоже стоялъ лишь одной головой выше окружавшей его интеллигенціи и ясно видѣлъ ея духовные извѣты, но не могъ предложить никакихъ средствъ къ ихъ исклѣненію. Но Щедринъ безпомощно бичевалъ это общество ядовитыми сворсціонами своей злобной сатиры, изображая пошлость своихъ современниковъ въ преувеличенномъ, карикатурномъ и часто даже извращенномъ видѣ. А Чеховъ въ своихъ психологическихъ діагнозахъ никогда ни на шагъ отъ реальной истины не отступалъ. Съ фотографическою точностью изображалъ онъ всѣ проявленія пошлости нашей интеллигенціи, которая возбуждала въ немъ своею нѣмлою несправедливостью не щедринскую адскую злобу, а Чеховскую тихую грусть.

Да это и вполне понятно: злоба вообще была чужда мягкому характеру Чехова и его добродушію, отзывчивому сердцу, привлекавшему къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кто его зналъ. Знать Чехова и любить его было одно и то же. Вотъ чѣмъ объясняется то всеобщее сочувствіе, съ которымъ всегда относилась къ нему такъ близкая и внимавшая и такъ любившая его Москва, въ отличіе отъ чуждаго ему Петербурга. Вотъ почему Москва хранила и оплакивала его почти какъ дорогого своего сына, готовая преувеличить, какъ всегда бывало въ такіе минуты общаго сердечнаго порыва, его дѣйствительныя литературныя заслуги.

Пройдетъ время, и Чеховъ займетъ въ пантеонѣ русской словесности свое почетное, но скромное мѣсто, какъ писатель, фотографически вѣрно изображавшій пошлость русской интеллигенціи, жившей въ послѣдніе годы XIX и въ первые годы XX столѣтій.

И дѣйствительно, различные типы современныхъ намъ интеллигентныхъ пошляковъ онъ изображалъ съ изумительною вѣрностью; но чтобы соединить ихъ въ одно художественное цѣлое,—на это у него уже не хватало силъ: всѣ его „драмы“ являлись, въ сущности, радомъ не особенно тѣсно связанныхъ картинъ, слушающихъ фоновъ для дѣйствій того или другаго типа и вызывающихъ общее безпроектно-тупое, унылое „настроеніе“, но не оставляющихъ въ зрителяхъ того яркаго, опредѣленнаго впечатлѣнія, которое мы получаемъ отъ всѣхъ истинныхъ произведеній искусства.

Сценическому успѣху своихъ драмъ Чеховъ обязанъ былъ не столько самому себѣ, сколько такимъ даровитымъ режиссерамъ какъ Станиславскій и Немировичъ-Данченко, которые изощрили свою богатую фантазію чтобы всѣческими новизнами, поразительными сценическими эффектами придать на театральныя подмостки драмы ту жизнь Чехова, которую такъ трудно было находить въ нихъ при простомъ ихъ чтеніи. Великія произведенія драматической поэзіи всегда проигрываютъ на сценѣ, даже при хорошемъ исполненіи, какъ проигрываютъ всѣ великія до безконечности идеи при всякой, хотя и гениальной, попыткѣ реальнаго, конечнаго ихъ осуществленія. Драмъ Чехова, наоборотъ, всегда только выигрывали на сценѣ Художественнаго Театра, преобразуясь изъ неясной, монотонной тусклости въ кипучую и сверлящую разнообразіемъ жизнь, благодаря виртуозной техники именитѣйшихъ режиссеровъ, которые болѣе легкую задачу точнаго копированія современной русской жизни всегда разрѣшаютъ, конечно, съ несравненно большимъ удачей, чѣмъ изображеніе, напримеръ, жизни древне-римской, для чего требуются не одни только глаза, но и нѣкоторое образованіе.

Какъ доказательство нѣмлою гениальности Чехова приводить обыкновенно то обстоятельство, что „никогда его извѣстно даже въ Европѣ“. Доказательство это не Богъ знаетъ какое, если принять во вниманіе, что Европа, напримеръ, совсѣмъ не знаетъ Щедрина, который, какъ талантъ, во всякомъ случаѣ не ниже Чехова, тогда какъ та же Европа очень близко знаетъ Горькаго, между тѣмъ какъ о Пушкинѣ и Гоголѣ она почти равно ничего не знаетъ кромѣ однихъ ихъ именъ, а о Грибоедовѣ, Писемскомъ, Гончаровѣ, Островскомъ она даже и именъ не знаетъ.

Но это другое дѣло. Мы во всякомъ случаѣ можемъ радоваться, что Европа знаетъ Чехова, и притомъ знаетъ его съ лучшей его стороны: очень многіе изъ его прелестныхъ маленькихъ разказовъ переведены на европейскіе языки, и здоровый безобидный юморъ ихъ по достоинству оцѣненъ заграничною критикой и публикой. Но Европа совсѣмъ не знаетъ ни *Чайка*, ни *Дядя Ваня*, ни *Трехъ Сестеръ*, ни *Вишневая Сада*, то-есть тѣхъ нѣмло произведеній, въ которыхъ наша интеллигенція изобличается въ пошлости, и за которые она изобличителя своего возноситъ до небесъ.

SPECTATOR.